

18+

Александра Куликова

Петров

Повесть

Александра Куликова

Петров. Повесть

«Издательские решения»

Куликова А. Э.

Петров. Повесть / А. Э. Куликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518588-4

История пути к Богу одного молодого человека. Что-то взято из жизни автора, что-то из жизни знакомых автора, а что-то — выдумано. Почитайте. Подумайте. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-518588-4

© Куликова А. Э.
© Издательские решения

Петров Повесть

Александра Эдуардовна Куликова

© Александра Эдуардовна Куликова, 2020

ISBN 978-5-0051-8588-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель!

Перед тобой небольшая зарисовка о жизни молодого и думающего человека. Его история может быть похожа на твою совсем или частично, – все совпадения не случайны, потому что какие-то события взяты из жизни. Ты не одинок, путь в поиске истины так или иначе проходим мы все. А может тебе могут быть близки лишь некоторые из мыслей главного героя. В любом случае, скучно и чуждо не будет.

Между главами и в самих главах проходят разные отрывки времени, иногда это указано напрямую, иногда придётся лишь догадываться. Но в целом, это и не важно, потому что такое время с точки зрения Вечности?

С наилучшими пожеланиями, Автор.

1

Пашка тяжело вздыхал. Валентин Евграфыч с удовольствием естествоиспытателя наблюдал за тем, как в голове его любимого студента мысли сменяют одна другую со скоростью, близкой к скорости света. Впрочем, ему было даже жаль его – в одну секунду мир юноши налетел на небесную твердь и рассыпался на миллион осколков. Старому философу хорошо было известно это состояние, однако, он не мог уйти просто так.

– Выходит, в нынешнее время патриотизм действительно стал прибежищем для него-де? Только в буквальном смысле? – робко произнес Павел, не до конца веря своим словам.

– С точки зрения общественных организаций – да.

– Ну а Кромкин?

– А что Кромкин?

– Ну так вот он хорошие, вроде, книжки пишет. Подкрепляет исторические события ссылками в архивы, разоблачает лжепатриотов прошлого, возвеличивает достойных государственных деятелей...

– Исторические его наброски весьма неплохи. Однако, о чем его последние книги? Так ли уж об истории? Вот то-то и оно. Но и в его исторических книгах страницы смазаны ядом. Не смертельным, конечно, но его воздействие на мозг весьма губительно, – Пашка недоуменно уставился на Евграфыча. – Обрати внимание, сначала он пишет о каком-либо государственном деятеле или правителе, который строил Великое Государство, и которого потом подло, а иногда и зверски, убивают враги. Обычно внешние руками внутренних. При этом внешние хитры и коварны, а внутренние слабы и разнузданы. И как под копирку: великую реформу не успел, преемника не назначил... Да, это правда, это история, однако, зачем он из книги в книгу внедряет одну и ту же схему? Одна глава, две главы, абзац – калька! Это очень и очень тонкая игра. И направлена она на возвращение идеи, что абсолютная власть слаба именно своим абсолютизмом.

– Но если это так и есть?

– Нужно всегда исходить из исторических реалий. Вряд ли те, кто поднял нашу страну из нечистот 90-х, такие уж идиоты, которые не потрудились даже открыть учебник истории, сопоставив его с «Государем». – Валентин Евграфыч в очередной раз судорожно закашлялся. Сделав глоток воды и глубоко вздохнув, он продолжил:

– Ты, вероятно, читал Ефремова?

– Конечно, читал! Давно хотел обсудить с вами его пророческий «Час Быка».

– Мрачная книжица. Но и потрясающая. Какое светлое будущее она рисует! Во главе угла – Человек; мировое правительство ликует в своем единодушии; забота о Земле и ее природных богатствах; единый народ, всеобщая любовь к истории, высочайшая культура и высокие технологии! Никаких тебе войн и болезней! Идеальный мир, неправда ли? Пришлось положить, правда, на алтарь Свободы несколько миллионов жизней в Последней Битве, но это же пустяки, да?

– Валентин Евграфыч, я не понимаю...

– А ты открой программу партии твоего Кромкина и многое из этого там увидишь. Только смотри внимательнее, – Пашка совсем приуныл. – Понимаешь, мы слишком мало знаем о нем. Он поразительно стерилен: был как все, был как все, был как все... Семья среднестатистическая, сам среднестатистический, взгляды менялись как у всех, в 90-е хлебнул как все. Но только как он в начале 90-х уехал на стажировку во Францию? Всем ли это удавалось? Почему же он, такой многообещающий специалист, торговал авторучками в переходе? И торговал ли? Ты видел, как он себя держит и как одевается? Это истинный интеллигент до мозга костей! Только вот расстановка акцентов речи у него как у британского лорда... Что-то он темнит. Стал бы честный, чистый и истинный патриот что-то скрывать? В общем, к нему больше вопросов, чем ответов.

Пашка молча вперил взгляд в пустоту перед собой. Очнулся он только тогда, когда старик снова закашлялся. Юноша уже хотел бежать за сиделкой, но Валентин Евграфыч наконец откашлялся. Его платок побагровел от крови, а он, будто не замечая этого, попросил у парня закурить. Оторопевший Павел всё же выполнил просьбу старика и, нервно сглотнув, растеряно спросил:

– Так во что же верить? Где истина?

– Истина – в Евангелии, – вот тут Пашка совершенно потерял дар речи. Чтобы профессор, доктор философских наук, в полной мере познавший диалектику Гегеля и цитирующий Канта в оригинале, заявил такое? Но тут в нём проснулась жалость к этому исхудавшему, измученному сухим судорожным кашлем одинокому старику – наверное, сказанное им было лишь последствием тяжелой болезни.

– Ну не надо на меня так смотреть! Петров! Я в абсолютно здоровом уме и твердой памяти!

– Извините, Валентин Евграфыч...

– Извиняю. Послушай... я-то человек пропащий. Куда уж мне спастись? Это я сейчас ученый, профессор, приличный человек, а в юности я много чего творил. И в попов из рогатки стрелял, и на храмовых стенах краской матерные слова писал, и много чего еще... Время было такое, безбожное. Вот и расплачиваюсь. Мне этот рак ведь не просто так, а за грехи мои. Но ты-то еще молод! Оглянись! Я многое в жизни видел и слышал, и нигде, нигде ты не найдешь столько чистой и искренней любви, сколько есть в живой и разумной Вере! Бог есть любовь, у Бога лишь истина! Искреннюю Веру не купить и не продать, в отличие ... – старик снова закашлялся. На этот раз совсем тяжело и сильно. Забежала сиделка, начала рыться в медикаментах. Павел почувствовал себя лишним.

Растерянный и сбитый с толку, он вышел из квартиры своего любимого преподавателя и пошел, не разбирая дороги. Остановился лишь тогда, когда его начали душить непрошеные

слёзы. Горячими потоками они начали стекать по его лицу, обжигая кожу. Он чувствовал себя одиноким и преданным. Ему больше не во что было верить...

Павел вздрогнул и, будто его кто-то толкнул, упал. Не сразу сообразив в чем дело и ничего не видя перед собой заплаканными глазами, он сел, опершись о что-то спиной. А в маленькой церквушке, к которой он незаметно для себя пришел, звонили к вечерне. Звук был гулкий и сочный, отдававшийся вибрациями в груди Павла и металлических прутьях церковной ограды, к которой он прислонился спиной.

2

Обессиленный переживаниями, Павел впал в забытие. Сколько он так просидел, он не знал, и очнулся лишь тогда, когда его окликнули:

– Юноша! Вы бы не сидели во так, на земле... холодно же ведь, простудитесь.

Пашка поднял голову – возле него стоял белый, как лунь, старичок с густой окладистой бородой. Павел в его состоянии хотел было рассердиться, что ему указывают, но сдержался, ведь он был весьма и весьма воспитанный молодой человек; впрочем, это не было главной причиной. В голосе старика слышалась искренняя обеспокоенность и забота, а его глаза смотрели на юношу с такой теплотой и лаской, с какой обычно на него смотрела его ныне покойная бабушка. Пашка вздрогнул. Он действительно очень замерз.

– Ооо... да вы и впрямь совсем продрогли! Не откажите старику в чашке чая? Я живу здесь недалеко, – всё те же мягким голосом проговорил старик, махнув рукой в сторону хрущевок, стоящих через дорогу.

Не поняв сам почему, Пашка встал с земли, и, отряхнув пальто и плотнее в него закутавшись, кивнул головой своему новому знакомому. Ему действительно было очень холодно. А где он находился, он не имел ни малейшего представления, и чашка горячего чая была бы не лишней. Пашка попытался было представить себе старичка в роли маньяка или одного из представителей какой-нибудь секты, которые, как голодные волки рыскают в поисках неокрепшей или отчаявшейся души, но он, напротив, чувствовал себя рядом со стариком в полной безопасности.

Старичок жил в ближайшем доме, и, как оказалось, в крошечной однушке на первом этаже. В его квартире пахло прополисом, какими-то травами, яблоками и ещё чем-то знакомым, однако чем, Павел не мог вспомнить. «А не „знахарь“–экстрасенс ли он какой-нибудь?» – промелькнуло было в голове у Пашки, но в ту же секунду старик включил свет, и юноша вздрогнул: его новый знакомый был одет в... рясу! Однако у юноши язык бы не повернулся назвать его попом, ибо старик выглядел не так, как по Пашкиному мнению должны были выглядеть «наглые обожравшиеся попы, жадно и беспощадно обдирающие легковёрный народ».

– О, не стоит беспокоиться, юноша! Я вас не съем – добродушно засмеялся священник, словно прочитав его мысли, – чашка чая с мёдом вам не повредит, а после этого я вас не задержу. Проходите на кухню, сейчас я поставлю чайник.

– Я... мне бы помыть руки... – рассеяно и немного виновато протянул Павел.

– Конечно, конечно! Вот ванная, в шкафу над раковиной вы найдете чистое полотенце.

Пашка повесил пальто и пошел в ванную. Её обстановку составляла обычная раковина с зеркалом и небольшим шкафчиком над ней, старая чугунная ванна, машинка «Малютка», пара баков, унитаз за ширмой, да пара тазов и ковшей. Поразила же юношу какая-то необыкновенная чистота столь бедной обстановки. Он вымыл руки и полез за полотенцем – в шкафу лежала стопка старых вафельных полотенец, застиранных, но удивительно белых.

Пораженный, юноша вышел из ванной и не смог удержаться, чтобы не заглянуть хотя бы мельком в единственную комнату. Старая кушетка, пара стульев у стены, письменный стол, платяной шкаф Бог весть знает каких годов и старая советская стенка, забитая книгами и делающая комнату ещё меньше, удивили его больше обстановки в ванной. В правом углу возле

окна, естественно, висели иконы с теплившейся перед ними лампадой. Под ними стоял высокий, но маленький столик с толстой книгой на нём. Пашке стало стыдно за своё любопытство, и он поспешил на кухню.

Характер обстановки кухни ничем не отличался от обстановки остальной части квартиры, и его можно было описать парой слов: бедно, но удивительно чисто. На старой газовой плите задорно шипел чайник, а хозяин квартиры накрывал на стол.

– Ну, присаживайтесь, – указал он на одну из двух табуреток. Пашка сел. На столе стояли тарелки с мёдом и вареньем (похоже, яблочным), тарелки с хлебом и пирогами, печеными в духовке.

– К сожалению, я не могу вам предложить ничего посытнее для вашего молодого организма, день сегодня постный, а я гостей как-то не ждал... – немного виновато проговорил священник – Вот пироги с капустой, червячка заморить.

Засвистел чайник. Священник налил кипятка в две чашки – одну большую, другую поменьше -, и по всей кухне разлился удивительный аромат ромашки и липы. Поставив большую кружку перед гостем, а маленькую перед собой, он повернулся лицом к висевшей в углу иконе Христа, немного помолчал, перекрестился и сел за стол.

– Чуть не забыл! – всполошился батюшка и достал из холодильника (неизвестно каким образом ещё работающего старенького Днепра) маленькую баночку красного варенья. – Малиновое! Вам сейчас самое то.

Пашка совсем сконфузился и было подумал, что не сможет ничего даже взять в рот. Однако в эту же секунду в его животе раздалось задорное урчание, и он принялся за еду. Пирожки оказались чудесные, и Пашка не заметил, как все их съел. Священник наблюдал за ним с легкой улыбкой, изредка попивая чай. Его глаза, кожа вокруг которых была исчерчена множеством морщин и морщинок, смотрели на юношу всё также ласково и немного обеспокоенно, как и у церкви, где он его окликнул. Вдруг зазвонил телефон. Священник поспешно встал, извинился перед гостем, взял с подоконника старенькую Нокию и вышел в комнату.

– Алло! Да ничего, ничего, не поздно... Так... Так... Погоди, милая, не плачь, не плачь... Ну?... Так... – из трубки доносился надрывный голос плачущей женщины. Священник её почти не перебивал, лишь изредка просил не плакать, ласково называя «голубушкой» и «милой». В его голосе слышалось искреннее сочувствие и сострадание.

Пашка почувствовал, как его веки тяжелеют, и голова клонится ко столу. Он бы мог подумать, что его опоили, но ему настолько было тепло, сытно и уютно, что его сонливость, без сомнения, была следствием усталости. Это было последнее, о чём подумал Пашка, погружившись в темноту.

Проснулся же он от того, что ему в лицо ярко светило солнце. Он по-прежнему сидел на табуретке, положив голову на стол. К его удивлению, под его головой лежала подушка, а сам он был укрыт шерстяным пледом, пропахшим лавандой. На пустом и чистом столе лежал листочек в клеточку, на котором было написано крупным почерком: «Юноша! Не стал Вас вчера будить. В кофейнике на плите кофе, если захотите. Будете уходить, захлопните, пожалуйста, дверь. Отец Алексей».

Перед мысленным взором Павла снова предстал образ священника, его белая окладистая борода и ласковый взгляд как бы смеющихся глаз. «Отец Алексей...» – зазвучал в его голове мягкий и спокойный голос его нового знакомого.

3

Валентин Евграфыч умер. Об этом Павлу по телефону сообщил староста их группы и его приятель Коля Сидоров, дав при этом понять, что «прикроет» его в университете, но только на пару дней.

– Похороны через три дня, Паш. Постарайся собраться с силами. Мы все должны проводить его в последний путь.

– Я знаю. Почему через три дня?

– Хоронить будет его сестра. Она из «верующих» и хочет, чтобы все было «как надо». Даже попа позвала, – презрительно проговорил Коля и попрощался.

Павел не знал, что у Валентина Евграфыча была сестра. Старик как-то молчал об этом – хотя Павел теперь понимал, почему. Единственное, что ему было удивительно, так это то, что если Евграфыча хоронят «как надо», значит его кто-то когда-то крестил? Юноша покосился на шкатулку, стоявшую на самом верху книжного шкафа и тяжело вздохнул. В этой самой шкатулке лежал его нательный крест, который подарила ему его ныне покойная бабушка и который он сорвал с себя лет семь назад, когда она умерла. Пашка подошел к шкафу и потянулся за шкатулкой – та выскользнула из негнущихся пальцев и больно ударила его по голове. Потерев ушибленное место, юноша открыл шкатулку и достал оттуда небольшой серебряный крест на кожаном шнурке. Пашка закрыл глаза и живо представил себе милое лицо бабушки, ее теплые морщинистые руки, белый платок на голове и необыкновенный смолистый аромат, исходивший от нее каждый раз, когда она приходила домой из церкви. И тут его осенило – именно так и пахло в доме у отца Алексея! Пашка тут же вспомнил уютную и чистенькую квартиру священника, а потом и маленький домик бабушки, утопавший в фруктовых деревьях и розовых кустах, а потом... пропахшую медикаментами квартиру Валентина Евграфыча, его судорожный кашель, багровый от крови платок и суетливую медсестру. И в этот же момент грудь Павла пронзила необыкновенно сильная боль и ему стало нечем дышать. Евграфыча больше нет.

И вот он лежит в простом деревянном гробу, одетый в костюм темного цвета, который еще больше оттеняет восковую желтизну его лица и рук. При этом лицо его приобрело какое-то странное выражение – кожа, потеряв воду, совсем высохла и натянулась, отчего казалось, что Валентин Евграфыч вот-вот что-то скажет. Но он молчал...

Пашка плохо помнил, как прошло отпевание, к тому же, он был один из немногих, кто пошел в церковь. Впрочем, сами поминки, устроенные сестрой Евграфыча, как и саму сестру, он тоже не запомнил – всё это казалось ему страшным и тяжелым предрассветным сном, который ты видишь чуть размыто и никак не можешь проснуться. Павел так же смутно помнил, как его увел с поминок Коля Сидоров, но в его памяти хорошо запечатлелась торопливая суета у входной двери – кто-то уходил, кто-то заходил – и надтреснутый голос Екатерины Евграфовны, сующей ему какой-то сверток со словами: «Ты Петров, да? Валя... оставил это тебе. Ты был очень дорог ему...»

В итоге Пашка оказался дома у Коли среди своих однокурсников. Большинство из них были изрядно пьяны, однако, в отличие от их веселых и шумных посиделок, в квартире царила мрачная и унылая атмосфера. Даже Митя Денисов, балагур и просто талантливый парень, бывший всегда душой компании и не выпускавший никогда из рук своей любимой гитары, сидел в самом углу кухни и тихонько перебирал струны, наигрывая весьма унылый мотив.

Сам Павел был трезв. Может он и вовсе не пил до этого, а может и не пьянел от выпитого, однако чувствовал он себя будто был с похмелья. Коля, напротив, с трудом ворочал языком, хотя Пашка твердо знал, что тот выпил немного, так как всего каких-то полчаса назад развозил девчонок по домам, поэтому, пить начал только когда приехал домой. Юноши сидели на балконе и курили.

– Не могу поверить, что его больше нет.

– Он был очень болен, и мы все это знали, Коль.

– Просто это так... непривычно. Был человек – нет человека. И всё. Всё, понимаешь? Все его несказанные слова, все его великие и не очень мысли, все его ненаписанные труды, все его увлечения и привязанности вдруг стали ничем...

– Так сколько ты выпил, товарищ староста? – попытался улыбнуться и разогнать всю эту его тоскливую «философию» Павел, на душе у которого и так было не очень.

– Две стопки... я... ой, да ну тебя! И вообще, я совершенно не понимаю, зачем было превращать похороны столь удивительного человека в фарс с попом и кадиллом! Она, наверное, этому попу еще и денег сунула. Они ж бесплатно не работают. Только всё болтают о «милосердии», «милостыне», «помощи ближнему» и прочей «евангельской» хрени, а сами за все деньги гребут – «свечечки», «иконки», крестины, свадьбы, похороны... без лоха и жизнь плоха! А ты саму сестру-то Валентина Евграфыча хорошо разглядел? Вырядилась, как монашка, четки в руках, даже платок черный нацепила, небось и квартиру его попам отпишет, или продаст и «пожертвует». На БМВ новый, ха-ха.

– Коль, не надо, а... у неё горе всё-таки...

– Горе у неё. Вот на таких они бабки и делают. ЗАО «РПЦ», млин...

Спустя еще три стопки водки ребята снова вышли покурить. Колька отчего-то стал совсем мрачный и задумчивый. Загушив сигарету, он тут же зажег новую и уставился в темное безоблачное небо. Затянувшись несколько раз подряд и выдохнув, он медленно проговорил:

– А вообще... Мы ведь никогда не узнаем, что там, за чертой, пока сами не испустим дух. Лишь тогда и только тогда, хотя тебе уже будет все равно, ты узнаешь, кто оказался прав – верующий в бессмертие души или отрицающий его. Ведь оттуда не возвращаются... Если и правда ничего нет, то ты даже и подумать об этом не сможешь, а не то чтобы усмеяться. А если всё-таки... бред, конечно... Но если вдруг, на одну сотую доли секунды предположить, что там что-то есть? И ты стоишь и ничего не сможешь уже доказать или оправдать, а перед тобой тот, кого ты всю жизнь считал несуществующим... и вся твоя жизнь как на ладони... и... ему решать... Что тогда?

4

Павел пришел домой очень уставшим. После смерти Евграфыча прошло уже два месяца, и жизнь потихоньку начала возвращаться к привычному ритму. Даже на замену Валентину Евграфычу нашли молодого преподавателя, который вполне справлялся с возложенными на него обязательствами, во всяком случае, очень старался. Однако голова Пашки явно отказывалась следовать этому замечательному примеру – пропущенный материал и новые знания кое-как укладывались в голову юноши, то и дело куда-то пропадая и проявляясь в виде солидных «водоразделов», в которых Пашка «плавал» на отработках и семинарах. Впрочем, Андрей Евгеньевич Кораблев оказался очень понимающим человеком и терпеливо ждал, когда Павел придет в себя.

А прийти в себя ему было очень нужно. Рассеянность Пашки мешала ему не только учиться, но и спать, есть и даже делать домашние дела – в ванной комнате уже выросла целая гора грязных вещей, в которых то и дело пропадал его кот.

И вот в очередной раз из ванной раздалось жалобное мяуканье. Павел пошел на звук и вскоре извлёк из-под завалов рыжий комок шерсти, гордо звавшийся Чебуреком, или сокращенно Че. Наглая зеленоглазая морда, удостоив хозяина лишь мимолетного взгляда, проворно вскочила на спинку кресла и начала устраиваться поудобней на чёрном вельветовом пиджаке Пашки.

– А ну брысь! Чистить потом после тебя ещё.

– Муррмязь! – проворчал Че.

– Ишь ты, умник! Сам знаю, что грязь развел. Сил нет прибираться, – кот недовольно зашипел. – Но если ты настаиваешь...

Павел достал из опустевшего шкафа вешалку и стащил со спинки кресла пиджак. Почувствовав тяжесть в правом внутреннем кармане, Пашка сразу засунул туда руку и к своему удивлению вынул оттуда свёрток из пергаментной бумаги. И тут он вспомнил. Именно этот свёрток

и сунула ему в дверях Екатерина Евграфовна, сестра его любимого преподавателя, на поминках. Павел опустился в кресло и принялся разглядывать свёрток. Перехваченный резинками, он представлял собой цилиндр из чего-то твёрдого. Сердце юноши дрогнуло, и он снова почувствовал боль и приступ удушья – ровно посередине к пергаменту был прикреплен маленький кусок белой бумаги, на котором столь знакомым ему мелким почерком было написано: «Петрову». Юноша тяжело вздохнул и ощупал свёрток сверху – его пальцы ощупали под слоем пергамента неровности, похожие на страницы. Что бы это могло быть? Рукопись? Или что-то другое?

В памяти Павла всплыли обрывки его последнего разговора с Евграфычем. Старик говорил об Истине и Вере. Неужели философ оставил ему Евангелие? И что он будет с ним делать? Что он там найдёт? Что он хочет там найти?

Пашка закусил губу и отложил свёрток. Прежде, чем вскрыть его, он должен был уяснить для себя готов ли... И он знал, кто поможет ему в этом разобраться.

Маленькая церквушка, в которой служил отец Алексей, оказалась в тридцати минутах торопливой ходьбы от дома, в котором когда-то жил Евграфыч. Часы показывали 14.00, и Пашка не надеялся встретить священника в церкви. Преодолев себя и вступив за ограду, юноша усилием воли заставил себя подойти к церковной двери. «Ну... два часа дня... вряд ли кто там будет из прихожан», – успокоил себя Павел и потянул ручку.

Его удивлению не было предела. В церкви во всю кипела работа. Щупленькая блондинка в джинсах, обёрнутых до колена платком, с усердием скребла пол, то и дело протирая скребок салфеткой. Женщина средних лет в цветастом платке кисточкой протирала подсвечники. Ещё две разбирали и ставили по вазам цветы. Согбенная старушка в пуховом платке вокруг поясицы, встав на скамеечку, протирала иконы и подливала в лампы масло. С лестницы на второй этаж спустилась миловидная женщина лет 45, держа в руке ведро и швабру. Увидев Павла, она приветливо улыбнулась ему и с сожалением сказала:

– Юноша! Вы бы пришли на часок пораньше, мы просто почти закончили уже.

– Я... я это ... – совсем засмутился Паша, но тут, из-за угла спиной вырвался отец Алексей, с закатанными по локоть рукавами рясы, умело орудующий шваброй. Повернувшись к разговаривающим лицом, он тут же выручил сконфузившегося юношу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.